

Е.Ю. Захарова

**ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЕ НА ГОРНЫХ РУБЕЖАХ:
СТРАТЕГИИ ДОМОХОЗЯЙСТВ ВЕРХНЕБАЛЬСКОЙ
СВАНЕТИ В УСЛОВИЯХ ТУРИСТИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ РЕГИОНА**

Многие государства избирают туризм в качестве ключевого инструмента регионального развития, а для приграничных, периферийных регионов он зачастую оказывается и единственно возможной стратегией развития. Так, для Верхней Сванети, где граница с 1992 г. стала непроницаемой, приграничное положение сегодня в первую очередь не ресурс, а ограничение — его следствием является удаленность от центра, сложность и дороговизна транспортировок, оторванность от рынков. Если оставить в стороне стереотипический набор образов, связанных со Сванети, одной из первых ассоциаций, возникающей сегодня в связи с этим регионом Грузии, будет его стремительное и бурное туристическое развитие последнего десятилетия. Верхняя Сванети стала объектом воплощения одного из самых амбициозных среди направленных на развитие туризма проектов Микхеила Саакашвили.

Автор данного исследования ставит своей целью, обратившись к микроуровню спровоцированных этими инициативами процессов, описать варианты хозяйственных укладов семей Верхней Сванети в контексте становления в регионе туризма и ответить на вопрос, каким образом последнее повлияло на экономические и жизненные стратегии домохозяйств региона.

В этнографической литературе, посвященной хозяйственной жизни Верхней Сванети, внутри региона традиционно выделяется две субобласти — Верхнебальская и Нижнебальская Сванети [Робакидзе]. Это разделение обусловлено климатическими, а значит и хозяйственными различиями, а также особенностями исторического развития этих территориальных единиц. «Наи-

более существенное отличие между Верхнебальской и Нижнебальской Сванети составляла форма собственности на землю. На протяжении позднефеодального периода Верхнебальская Сванети считалась <...> безгосподской гр. убатано св. упусд¹. Нижнебальская составляла владетельное княжество Дадешкелиани, а Нижняя входила в состав Мегрельского княжества. Это должно было иметь решающее значение во всех сферах общественной жизни, регулируемых формами собственности» [Робакидзе 1990: 17].

Поскольку стратегии жизнеобеспечения домохозяйств Верхней Сванети рассматриваются в данном исследовании в контексте резкого вхождения в регион туризма, было принято решение сосредоточиться на одной из указанных областей — Верхнебальской Сванети, так как именно она является главным объектом туристического притяжения.

Готовя проект исследования по Верхнебальской Сванети, я с удивлением обнаружила отсутствие современных русскоязычных или англоязычных этнографических исследований, освещающих повседневную жизнь жителей этого региона, или работ, отражающих особенности его социально-экономического развития. За единичными исключениями современные этнографические исследования по Верхней Сванети грузиноязычны и принадлежат преимущественно авторам, связанным с регионом происхождения. Фокус этих исследований определяется преимущественно вопросами духовной культуры, а также институтами и практиками, традиция обращения к которым была положена этнографами XIX — начала XX в. Поэтому, готовя свою первую экспедиционную поездку в Верхнюю Сванети, я придавала особое значение экспертным интервью, которые были фактически единственным способом получить информацию о жизни региона помимо обращения к материалам СМИ.

В 2012 и в 2014 гг. мною были совершены два полевых выезда в Верхнюю Сванети, в ходе которых я проводила полуструкту-

¹ В приведенной цитате «убатано» и «упусд» переводятся с грузинского и сванского соответственно как «безгосподский».

рированные интервью, свободные беседы², наблюдение и фотосъемку в общинах Ленджери, Бечо, Мулахи, Латали, Ушгули, а также в Местии.

В ходе беседы с одной из экспертов (родом из Верхней Сванети, этнографом, живущей и работающей в Тбилиси), я, не придавая своим словам особого значения, в числе прочего объяснила свой интерес к Сванети изолированностью и замкнутостью региона. По резким возражениям, которые встретила эта случайная фраза, стало понятно, что я воспроизвела некий избитый и неподдерживаемый собеседницей, но распространенный в Грузии стереотип.

Сваны иногда говорят о своем регионе как о «каменном мешке», образованном горами. Регион является одним из наиболее населенных в Европе среди зон, расположенных в диапазоне от 700 до 2200 м над уровнем моря. Также Сванети — самые высокие и самые населенные горы Грузии (в Хевсурети, Пшави, Тушети фактически не осталось постоянного населения). Поселения окружены горами, высота которых достигает в отдельных местах до 5000 м. На данный момент существует только две дороги, по которым можно попасть в Верхнюю Сванети: одна идет от Зугдиди через поселок Хайши, другая из Лентехи (административный центр Нижней Сванети) через Ушгули (самое высокогорное селение региона) (76 км составляет отрезок от Лентехи до Ушгули). Однако последняя закрыта в зимние месяцы (приблизительно с ноября по апрель) и, чтобы попасть из Верхней Сванети в Лентехи, приходится делать объезд: спускаться из Верхней Сванети, доезжать до Кутаиси и подниматься в Нижнюю Сванети.

По данным гамгеоба³ Местии, территория муниципалитета составляет 3045 кв. км, включает 15 сел. Расстояние до Тбилиси составляет 475 км, до Зугдиди, административного центра края

² Все беседы за исключением одной (экспертного интервью с директором туроператора по Сванети, русской из Новосибирска), велись на грузинском языке, местные термины, которые используются в тексте, также указаны на грузинском языке.

³ Гамгеоба — в Грузии исполнительный орган местного собрания села, района, города.

и ближайшей станции железной дороги, — 136 км, до ближайшего портового города (Поти) — 226 км, аэропорта — 2 км (Местийский аэропорт им. Царицы Тамар). Всего в муниципалитете Мestia 134 села, которые образуют 15 общин. Общая численность населения муниципалитета Мestia 15 677 чел., из которых 2916 чел. — жители райцентра, 12 761 — население сел. 99 % населения — грузины [Гамгеоба].

Ограничения и ресурсы пограничного положения

Формированию имиджа Сванети как чуждого, живущего по своим законам пространства, в значительной мере способствовал охвативший страну кризис 1990-х — начала 2000-х годов, который этот регион Грузии переживал особенно тяжело. С 1988 г. начался процесс развала колхозов, произошло разрушение созданной в советское годы инфраструктуры, в том числе и дорожно-транспортной. Вплоть до 2010 г. по причине неудовлетворительного состояния дорог в течение долгой высокогорной зимы с октября по апрель сваны были фактически отрезаны от остальной Грузии. Государство ушло из правового поля, а традиционные правовые системы были отчасти разрушены, попытки старшего поколения восстановить их наталкивались на неповиновение молодежи. Произошла резкая криминализация региона, грабежи, воровство и наркоторговля стали повседневностью. После войны с Абхазией в Сванети оказалось большое количество оружия.

Помимо естественной, продиктованной особенностями ландшафта изолированности и тяжелого социально-экономического положения, Верхняя Сванети также является пограничным регионом — граничит с Кабардино-Балкарией и Карачаево-Черкессией. Как пишет Т. Соуфилд, пограничные регионы по определению являются периферийными по отношению к центру. И во многих случаях этот фактор географической изоляции приводит к маргинализации пограничного населения [Sofield 2006].

Другой исследователь, К.М. Холл [Hall 2005: 246–247], выделил несколько общих особенностей, характерных для периферийных пограничных областей и объясняющих их изолирован-

ность. Во-первых, такие регионы часто неспособны оказывать существенного влияния на принятие решений, определяющих качество их жизни, этот недостаток властного ресурса часто приводит к возникновению у населения чувства отчужденности. По определению подобные регионы географически удалены от массовых рынков и вынуждены сталкиваться с повышенной стоимостью перевозок и коммуникаций. Периферийные зоны в результате своей относительной неразвитости по сравнению с центральными областями зачастую имеют отличные от них природные и культурные характеристики.

Все перечисленное справедливо и для Верхней Сванети [So-field 2006]. Однако граница, подразумевающая удаленность региона от центра, со всеми вытекающими из этого последствиями, до закрытия в 1992 г. представляла собой важный канал внешней коммуникации. Сванети связана с Кабардино-Балкарией и Северным Кавказом исключительно горными перевалами, которые недоступны для автомобильной техники, а часто и лошадей. Всего из Сванети на север ведут пять актуальных для населения переходов. В Кабардино-Балкарию ведут перевалы Цанери, Твибери, Бечо и Нескра, в Карачай — Чубери. Перевалами Цанери и Твибери пользовались общины Местии, Ленджерии, Мулахи. Перевал Бечо / Басса, ведущий из ущелья Энгури в Баксанское ущелье (Донгуз-Орун), удобен для жителей общины Бечо, одно из ее селений — Мазери — находится прямо в его устье. Нескринским / Накрским перевалом пользовались жители Накра, перевалом Чипер-Карачай (карачайское название), ведущим от верховьев реки Нескры до ущелья Азау (Карачай), — жители селения Чубери.

Перевалы имеют разную сложность и протяженность. Так, одним из самых простых считается перевал Бечо, который можно преодолеть даже на лошади, альтернативный ему Накрский уже намного сложнее. Переход из Чубери до Хурзука (Карачай) занимает три дня, для преодоления перевалов на Балкарию нужно в среднем 6–7 часов. Несмотря на временные затраты и очевидные трудности, связанные с переходом через перевалы в Балкарию и Кабарду, с учетом того, что дорога до Зугдиди пешком

занимала три дня, они имели исключительное значение для жителей Верхней Сванети как до эпохи автомобильного транспорта, так и в сложные годы начала 1990-х.

Движение через перевалы было намного интенсивнее из Сванети на Северный Кавказ, чем наоборот. Из Верхней Сванети через кавказский хребет шли потоки экономической миграции. Мужчины-сваны выезжали на работу, в основном связанную с заготовкой сена (покосом), скотоводством и строительством. Сваны считают себя выдающимися косарями, балкарцы с удовольствием обращались к их труду. На дополнительные заработки через хребет уходили в основном члены больших семейств, т.е. те, кому было на кого оставить хозяйство.

Через Кавказский хребет осуществлялись и торговые отношения. Из Кабарды в Сванети привозили лошадей, которые очень ценились: за одну кабардинскую лошадь давали пять сванских. Также в цене были кабардинские быки. Из Сванети на север везли горох, просо, коноплю, пеньку, смолу.

Сваны рассказывают о теплых и близких отношениях с балкарцами, лучших и более интенсивных, чем с кабардинцами. Это отразилось и в знании языков соседей: в Сванети намного чаще владели карачаево-балкарским, чем кабардинским. Сваны подчеркивают, что в отличие от кабардинцев балкарцы не участвовали в грузино-абхазской войне 1992–1993 гг. После депортации балкарцев в 1944 г. в Балкарию было переселено около 500 сванских семей, сванов переселяли и в села депортированных карачаевцев. Так, «к 1956 г. в колхозах Клухорского района проживало 4,1 тыс. чел. — 771 грузинская семья (сваны и рачинцы), переселенные из Грузинской ССР» [Зеленков 2006: 85]. На новом месте сваны прожили 14 лет (до 1958 г.). Многие сваны-переселенцы сохранили дружеские отношения с вернувшимися в свои дома семьями. Житель общины Бечо рассказывает, что его семья около года жила под одной крышей с вернувшимися балкарцами, а уходя, оставила им половину нажитого за годы их изгнания имущества.

Трансграничные связи с Северным Кавказом приобрели новое, жизненно важное значение в 1990-е годы. Из Кабардино-

Балкарии привозили дефицитный в ту пору бензин, который переносили через перевалы в железных канистрах. В Грузии раньше, чем в России, прекратили обмен советских купюр, поэтому в Кабардино-Балкарию переходили и с целью обмена денег. Балкарцы и сваны прятали друг друга и от преследования закона, одна такая захватывающая история с побегом из тюрьмы, погоней и последующим переходом через хребет информантами мне была рассказана. За упрочение братских отношений между сванской фамилией Кахиани и кабардинскими родами последние выдали представителю Кахиани грамоту. До сих пор у многих семей сохранились телефонные контакты с северокавказцами. Молодые люди из селения Мазери, община Бечо, уехавшие работать под Тырнауз в 1990 — начале 2000 годов, до сих пор живут там.

Горные перевалы через Большой Кавказский хребет в советское время были также каналом, через который проходили туристические маршруты. Их конечной точкой была как равнинная Грузия, так и находившиеся на территории Сванети лагеря альпинистской подготовки и туристические базы. Так, в Местии работала турбаза «Ушба», филиал одноименной турбазы на берегу Азау в Баксанском ущелье, в селах Жабеша, Бечо, Накра действовали базы альпинистской подготовки, были разработаны альпинистские маршруты.

Приведу воспоминания информантки о советском туризме в Сванети:

В советский период <...> в день приезжало 500, 600 человек, самое меньшее 400 человек, и было две туристических базы, и это было на довольно таком уровне организовано — со своими тропинками. Их обслуживали, я вам говорила про Нопэ и Джумбера, один альпинист, а другой был директором базы. И это было организовано на таком уровне, что из города ничего не ввозили, использовали местную продукцию, тогда была продзаготовка, закалывался местный скот, молоко было местное, ввозили хлеб, сахар и, скажем, растительное масло. Ну, еще ввозили сезонные овощи и помидоры. Все остальное экологически чистое, у этих двух турбаз были большие сто-

ловые, готовились прекрасные экологически чистые блюда, были официальные туринспекторы, гиды, которые с ними ходили, собирались за раз 50 человек, шли по Цанерскому перевалу. <...> Цанерский и Твиберский перевал достаточно сложные перевалы, вот так и переходили. Их встречали машины. Также переходили с Накрского перевала, бечосского перевала и Терскола. То есть они приходили из Кабардино-Балкарии [ПМА 2012].

К северу от перевалов Цанери и Твибери за хребтом расположены альпинистские базы Чегем и Безенги, откуда туристические группы отправлялись на Южный Кавказ. По Чегемскому ущелью от турбазы «Чегем» проходил 88-й пешеходный Всесоюзный туристский маршрут с переходом через ледники Твиберского перевала. Спустившись в Местию, туристы продолжали свой путь дальше, на пляжи Сухуми. Также от базы «Северный приют» (Карачаево-Черкессия) гиды водили тургруппы до Накрского альпинистского лагеря. Через относительно легкопроходимый перевал Бечо раз в три дня ходили плановые группы.

Несмотря на то что и сейчас время от времени совершаются нелегальные переходы через хребет, в целом сегодня граница, с 1991 г. ставшая государственной, непроницаема, возможности, которые она предоставляла, потеряли актуальность. В экономическом плане в настоящее время для региона значение приобретают связи на новом, глобальном уровне. Возможность выхода на такой уровень появилась благодаря международному туризму, который, набирая масштабы, в перспективе, во-первых, способен стать одной из первых статей экономики как региона в целом, так и отдельно взятых домохозяйств, а во-вторых, неизбежно влечет за собой новые интенсивные межкультурные контакты.

Модернизационные проекты и развитие туризма

В советское время туристических маршрутов по территории самой Сванети не существовало, но уже с конца 40-х годов XX в. благодаря пограничным перевалам жители региона имели воз-

возможность пусть неинтенсивных, но регулярных контактов с туристами со всего Советского Союза, а часто и из стран соцлагеря. Однако все же туристов местное население в большинстве своем скорее наблюдало, чем участвовало в связанных с туризмом взаимоотношениях. По словам одного из моих собеседников, «местных на турбазы даже не пускали» [ПМА 2014]. Туризм был частью государственной структуры, местное население фактически не было в нем задействовано.

С приходом в 2003 г. к власти «Национального движения», руководимого Михеилом Саакашвили, Верхняя Сванети была превращена в один из важнейших полигонов для претворения в жизнь модернизационных проектов по развитию туризма. По плану властей, Местиа должна была стать частью западно-грузинской туристической зоны, в которую также должен был войти морской курорт Анаклиа. Здесь, согласно рекламным роликам, утром можно было бы отдохнуть на пляже, а днем оказаться в снежных горах. Проведенные в стране реформы правоохранительной системы оправдали себя и в Сванети, проблема преступности фактически была решена, что было необходимым условием для реализации этого проекта.

Среди произведенных модернизационных усилий наибольшее значение для региона приобрела реконструкция в 2010 г. автомобильной дороги, связывающей его с остальной Грузией, теперь сообщение со Сванети возможно в течение всего года. Если раньше, чтобы добраться из Местии до Зугдиди, требовалось шесть часов, теперь на дорогу уходит всего 2,5–3 часа. Регулярные авиарейсы связали Местию и Тбилиси, 20-местные самолеты «Оттер» возят людей прямо из тбилисского международного аэропорта в аэропорт имени царицы Тамар в сванском райцентре Местиа, время перелета составляет всего час, в туристический сезон самолет делает 1–2 рейса в день. Нужно отметить, что пользуются рейсами в большинстве своем туристы, местные жители летают скорее в вынужденных случаях или, например, с маленькими детьми: стоимость перелета в два раза превышает цену проезда на маршрутке. Также с недавнего времени в Сванети курсируют т.н. «такси-самолеты», которые работают под заказ, стоимость

рейса составляет 700 лари (около 16 000 руб.). Таким образом, Сванети получила облегчение сообщения с «большой землей» и безопасность, т.е. условия, необходимые для прихода в регион туристов, инвесторов, культурных проектов.

Туристический бизнес, пришедший в Верхнюю Сванети сегодня, принципиально отличается от модели, в которую регион был вовлечен в советское время. Если раньше Сванети была лишь транзитным пунктом для туристов, двигавшихся по маршрутам из Северного Кавказа в равнинную Грузию или просто удобным местом для размещения тренировочных альпинистских баз, то теперь она стала самостоятельной точкой притяжения. В советское время контакты населения с туристами, которые останавливались в палаточных лагерях и вскоре отправлялись в дальнейший путь, были ограниченными. Сегодня жилье туристам предоставляют в подавляющем большинстве случаев семейные гостиницы, которые организовываются местным населением. Таким образом, сваны вступают с приезжими в непосредственное взаимодействие. Вовлеченность в туристический бизнес, помимо новых экономических возможностей, оборачивается для местных жителей доступом к альтернативному культурному опыту, который несут туристы. Новые для региона хозяйственно-экономические отношения не могут не иметь последствий для культуры и общества Сванети.

Рассмотрим важнейшие инфраструктурные и социальные реалии, представление о которых необходимо для понимания хозяйственной жизни региона.

Занятость и социальное обеспечение

Основные рабочие места в селах Сванети предоставляет районный центр Местиа, где сосредоточены головные учреждения бюджетной сферы: Сакребуло (представительский орган власти), Гамгеоба (исполнительная власть), дом юстиции, районный суд, прокуратура, отделение полиции, пограничная служба, служба электросетей, больница и поликлиника, Дом культуры, туристический информационный центр, Дом спорта, историко-

этнографический музей. Работают еще два музея: дом-музей Михеила Хергиани, этнографический дом. Недалеко от аэропорта Местиа расположена государственная спасательная служба, которая, в основном занимается оказанием помощи альпинистам. Заняты в ней местные альпинисты — сваны. В районном центре работает довольно много магазинов (в основном продуктовых товаров первой необходимости, несколько сувенирных). Есть небольшой продовольственный рынок, несколько кафе и ресторанов (в подавляющем большинстве работающих сезонно), около десятка более или менее крупных гостиниц и множество гостевых домов-гестхаузов. В основном в Местии работают жители самого райцентра, а также живущие в близлежащих селах. Фактически Местиа — небольшой город, например, только в Доме культуры работает 85 чел. В селах рабочие места ограничены в большинстве случаев бюджетной сферой: школой, амбулаторией, сельской администрацией (как правило, это должности *рицмунебули* (уполномоченного) и ведущих специалистов (два-три человека на село).

Пожалуй, самые желанные места работы в бюджетной сфере для мужчин предоставляет пограничная служба, у которой в Верхней Сванети шесть секторов: в Местиа, Бечо, Чубери, Накра, Мулахи и Ушгули. В каждом секторе занято 10–20 чел., зарплаты пограничников составляют от 700 (16 000 руб.) до 1400 лари (32 000 руб.) в зависимости от чина. Рядовые служат до 55 лет, офицеры до 66.

На работу в пограничную службу поступают после прохождения армии и трехмесячных подготовительных курсов.

Практика сезонных выездов на заработки, ярко представленная, например, в горах Дагестана [Капустина 2010], в Сванети мало выражена. По словам жителей, дом нельзя оставлять без мужчин хотя бы потому, что женщины не могут выполнять требующую больших физических сил работу по снегоуборке, поэтому возможность зимнего заработка вне Сванети доступна только для семей, где трудоспособный мужчина не один. Кроме того, возможности дополнительного заработка в пределах Грузии ограни-

чены. Выезжают обычно в Тбилиси, где зарабатывают преимущественно физическим трудом.

В 1990-е годы, до ужесточения визового режима, сваны активно ездили на заработки в Россию, в основном в сибирские города на фасадные строительные работы. Как рассказывают, в годы президентства М. Саакашвили необходимость в выезде на заработки отпала, в Сванети было достаточно работы на масштабных стройках, предпринятых в тот период. Тем не менее трудовая миграция имеет место, сейчас в большей степени — в европейские страны.

Важный источник монетарного дохода для семей — социальные выплаты и пособия. Пенсия в Грузии составляет 150 лари (3450 руб.). По оценке одного из моих собеседников, в Верхней Сванети семейная пара может скромно прожить на две пенсии при условии ведения сельского хозяйства.

Некоторые семьи получают помощь от государства как социально незащищенные. Это подразумевает ежемесячную выплату на каждого ребенка в размере 48 лари (1100 руб.) и медицинские полисы на детей. Однако, если раньше получить медицинское обслуживание по такому полису можно было в Тбилиси, где уровень медицинского обслуживания выше, теперь полисами можно пользоваться только на месте.

Льгот, связанных с горным расположением, в Верхней Сванети нет.

Бюджетная сфера и инфраструктура

Медицинское обслуживание жители Верхнебальской Сванети получают в Местии, где находится больница и поликлиническое отделение. В годы президентства Саакашвили в больнице был произведен ремонт, она была оснащена современной техникой. Однако жители говорят о низком качестве самого обслуживания и недостаточной квалификации работающего там персонала:

Ребенок родился на 35 неделе через кесарево сечение, здесь не было никаких возможностей, реамобиль приехал с 8–9-часовым опозданием, и единственная надежда была успеть до-

везти ребенка до Кутаиси. Мы 40 дней лежали с малышом в реанимации в Кутаиси. Я родила в Местии, но тут уже не было условий, чтобы вывести ребенка из этого состояния. Там нет никакого уровня обслуживания. Есть аппаратура, но ею никто не умеет пользоваться [ПМА 2014].

Былая практика отправки на долгий срок более квалифицированных врачей из Тбилиси с целью проведения консультаций и операций уже не имеет места. Получить минимальную медицинскую помощь прямо в селе в большинстве случаев невозможно, амбулатории не работают по вызову, поэтому жители часто обходятся своими силами:

Даже медсестры нет, если вдруг что-то понадобится. Мне потребовалось — Малхаз (супруг) мне сделал [капельницу] в вену, Малхазу потребовалось, я ему сделала [ПМА 2014].

Служба скорой помощи по Верхней Сванети работает достаточно стабильно, хотя вызывать ее приходится через звонок в Тбилиси, откуда обращение перенаправляют в Местию.

Со всеми селами Сванети в течение года не прекращается дорожное сообщение. Дороги могут зимой закрываться, однако это происходит ненадолго, постоянно патрулирующая дороги служба Дорожного департамента работает достаточно оперативно, дороги быстро расчищаются по необходимости в экстренных случаях (болезни и т.д.). Однако регулярное сообщение с Местией есть только у нескольких крупных общин, причем рейсовые машины ездят только дважды в день. Такое положение с местным рейсовым транспортом делает передвижение внутри Верхней Сванети очень затруднительным для семей, не владеющих личным автомобилем. Такие семьи в отношении передвижения становятся полностью «зависимы от доброты соседей» [ПМА 2012].

В отдаленных от Местии и центра общины селах нет возможностей для внешкольного образования детей, которое в сельской Грузии обычно представлено секциями танцев, спорта, уроками

музыки. В старших классах дети из таких сел из-за недостаточности местного транспорта (рейсовые маршрутки выезжают из сел утром, а возвращаются вечером) бывают вынуждены пропускать день занятий в школе, чтобы поехать в Местию к репетитору, готовящему к ЕГЭ. Некоторые, но далеко не все школы имеют свой транспорт, который забирает детей в школу и развозит по домам. Как и везде в Грузии, по государственной программе каждый первоклассник получает мини-ноутбук с установленными учебными материалами на текущий год, все ученики обеспечены учебниками, родителям остается только купить канцелярские товары.

В Местии есть спортзал, где проходят занятия боксом и борьбой, проводятся соревнования, в том числе с участием спортсменов из соседних республик. Также в районном центре есть театральная труппа, в Верхней Сванети существует несколько фольклорных ансамблей.

В годы президентства Саакашвили были введены т.н. «сельские программы» для сел, согласно которым каждому селу в Грузии раз в год по числу жителей перечисляется сумма, составляющая минимум 2000 лари (46 000 руб.), ее коллективным решением можно потратить на любые нужды.

В рамках президентского курса по модернизации и туристическому развитию региона в Местии был проложен водопровод, канализация, организован вывод сточных вод. В селах же все эти коммунальные удобства обеспечиваются силами самих жителей. Центрального водоснабжения нет, вода подводится в каждый дом индивидуально, такой водопровод не всегда обеспечивает должный напор воды. Канализация выводится в реки или ямы. Так же поступают с частью мусорных отходов, кроме того мусор жгут. Наряду с ущербом окружающей среде это создает эпидемиологическую угрозу.

В районе отсутствует современная пожарная техника, все имеющиеся машины — старого образца, нет и резервуара, в котором можно было бы, не допуская замерзания, хранить воду для пожаротушения зимой. Пожары же в домах, обычно вызываемые возгоранием старой проводки, случаются нередко.

Центральное и спутниковое телевидение обеспечивается в Сванети индивидуальными спутниковыми антеннами, кабельный Интернет есть только в Местии в государственных учреждениях, в селах пользуются Интернетом, предоставляемым через модемы операторов сетей мобильной связи.

Миграционные процессы

В 1987 г. Сванети переживала особенно суровую зиму. Уровень снега в нескольких селах в январе достигал от трех до пяти метров, в результате чего около 2000 домов было разрушено снежными лавинами, погибло 85 чел. Дороги были заблокированы, сообщение между селами прекращено, все средства коммуникации вышли из строя. 16 000 чел. были эвакуированы из зоны риска. После случившейся трагедии по государственной программе для экологических мигрантов около 2620 семей было переселено из Сванети (Верхней и Нижней) в районы Марнеули, Тетрицкаро, Болниси, Сагареджо, Гардабани, Дманиси, Каспи, Цкалтубо, Хони, Озургети и Ланчхути [Trier Turashvili: 9].

Вторая волна миграции пришлась на 1990-е годы (особенно выделяют 1992 г.), когда выживать в регионе можно было только за счет сельского хозяйства.

Из Сванети продолжают выезжать и сейчас, в надежде на трудоустройство, в поисках менее суровых условий жизни. Часто в городах (для Верхней Сванети это преимущественно Тбилиси) оседают закончившие обучение студенты. По оценке эксперта Туристического центра в Местии (НКО) Заура Чартолани, сейчас около 40 % молодежи остается в Сванети, остальные разъезжаются [ПМА 2012]. По оценке самих жителей, по сравнению с советским временем в селах осталось только 50 % бывшего населения. По свидетельству одной из информантов, среди уезжающих в Тбилиси учиться преобладают девушки, которые часто там же создают семью, в результате в Сванети остается больше молодых людей, чем девушек.

В отличие от Нижней Сванети, ориентированной на Кутаиси, Верхняя Сванети в основном связана с Тбилиси: многие уезжают

именно туда на заработки, учились там, имеют там жилье (часто для детей-студентов), родственников.

Как рассказывают, если один брат уезжает, то другой остается в Сванети. Эта практика может быть связана с традицией, согласно которой один из братьев должен оставаться с родителями. Большинство из уехавших продолжают получать доход от своей земли в Сванети, чаще всего отдавая ее на обработку соседям или родственникам на определенных условиях (обычно — за половину урожая). Часть уехавших возвращается в горы на летний сезон, участвует в сельском хозяйстве (часто помогая соседям в обмен на небольшую часть урожая) или просто использует свой дом в Сванети как дачу. Сезонная возвратная миграция особенно характерна для Ушгули, куда летом приезжают для работы в семейных гостиницах, так как здесь это действительно выгодное предприятие. «Сезонные» сельчане вызывают некоторое раздражение тех, кто в сложные годы не выезжал из этого сурового села:

Вам сейчас захотелось дохода, а мы тут все время жили [ПМА 2012].

Мало кто из уехавших в 1980–1990-е годы продал свои дома, но вернувшиеся застали их в плачевном состоянии, для того чтобы вновь в них поселиться, а тем более превратить в источник дохода, нужно было вкладывать большие средства.

По словам жителя Местии, до преобразований эпохи президентства Саакашвили

Местиа была мертвая, люди предпочитали работать в Тбилиси в магазинах, чем на хорошей работе в Местии... Сейчас все, кто уехал раньше из Местии, в последние годы вернулись [ПМА 2014].

Возвращаются не только в Местию, но и в туристически развитые села. Например, в Жабешу, селе общины Мулахи, которое находится в конце пешего туристического маршрута перед перевалом на Ушгули, по оценкам жителей, за последние годы верну-

лось пять-семь семей, при общем числе семей в селе равному 35, в туристически популярном Адиши, по словам жительницы, за 2010–2012 гг. число дворов удвоилось, к семи семьям добавилось еще столько же.

Тем не менее миграция из Сванети — заметное и осознаваемое местными жителями явление. Так, транснациональные миграционные процессы нашли отражение в творчестве молодого местного поэта. На его стихи был поставлен спектакль:

Пилпани у нас люди искусства, выделяются этой склонностью генетически, и один из них, молодой человек написал стихи... ну... моноспектаклем это, пожалуй, назвать нельзя, но все было построено на его стихах — «Океанэдалеулеби»⁴. Сейчас молодые переходят не только за Терек, но и за океан... происходит американизация, во всем мире эта такая глобальная тема [ПМА 2012].

Сельское хозяйство

Основные хозяйственные направления в Верхней Сванети — молочное и мясное животноводство с подавляющим преобладанием разведения крупного рогатого скота (КРС). Также сильные позиции имеет огородничество (преимущественно — выращивание картофеля), меньшее значение имеет садоводство. Совсем немного производится меда, который реализуется здесь же, в Верхней Сванети. В годы, когда было объявлено об эпидемиях свиного и птичьего гриппа, большинство жителей превентивно уничтожило свиней и птицу, при этом, как рассказывают, эпидемии в Сванети впоследствии не было, поэтому те, кто не стал избавляться от животных, держат их до сих пор. В нескольких селениях держат небольшое количество коз и баранов.

⁴ Название «океанэдалеулеби» («испившие океан») представляет собой аллюзию на существовавшее в 60-е годы XIX в. в Грузии общественное, политическое и литературное течение «тергдалеулеби» — «испившие Терек». Оно объединяло молодых грузинских просветителей, получивших образование в России и, таким образом, «перешедших Терек».

В советский период сыр из Сванети поступал на сырозаготовочную фабрику в Зугдиди, мясо сдавалось на мясокомбинаты Кутаиси и Сухуми. По госплану заготавливались картофель, дикие фрукты.

Повседневный рацион питания сванских семей представлен преимущественно блюдами из продуктов собственного хозяйства — в основном это жареный картофель, пироги с добавками — хачапури, чиштвари, кубдари, молоко и молочные продукты — сулугуни и имеретинский сыр, мацони. Каждый день сванские хозяйки пекут хлеб — высокие овальной формы лаваша из пшеничной, покупной муки — это дешевле, чем покупать готовый хлеб в магазине. Есть в повседневной кухне также мясные блюда, количество потребляемого мяса сильно разнится от семьи к семье, в зависимости от доходов и вкусов. Мясо едят как от своего скота, так и покупают у односельчан, когда те закалывают. Также мясо засаливают на зиму (сейчас меньше, так как почти не держат свиней), делают свиную колбасу. Фрукты и овощи Сванети в основном покупает, из своих овощей и фруктов помимо картофеля в меню присутствуют прежде всего лобио, яблоки, тыква, лук, чеснок, также выращивается зелень. Продукты лесного собирательства здесь представлены черникой, из которой на зиму, также как из покупных фруктов, заготавливают компоты и варенье. Продукты первой необходимости, которые регулярно приобретает каждая семья, — мука, сахар, растительное масло, крупы, макароны.

Вкус и «экологическая чистота» сванского картофеля — основной земледельческой культуры Сванети — ценятся по всей Грузии. Интересно, что высокое качество картофеля, который выращивается сейчас в Сванетии, — результат закупки в Голландии и Германии новых семян в середине 1990-х, когда прежние местные сорта стали давать плохой и недостаточный урожай [kartofil]. Также выращивают лобио (фасоль), тыкву, кабачки, свеклу, капусту, морковь, кукурузу, помидоры, огурцы, зелень. Садовая культура — прежде всего яблоки, а также грецкий орех, слива, ткемали.

Раньше выращивались зерновые, для Сванети традиционными были ячмень, пшеница, просо, однако сейчас их место фактически полностью заняли фасоль и кукуруза. Высокое расположение над уровнем моря сельских поселений ограничивает возделывание многих земледельческих культур. При кратком вегетационном периоде здесь не успевают созревать некоторые сорта хлебных злаков. Однако в советское время все же обрабатывалось значительно больше пахотной земли, так, по словам информантки, «во времена коммунистов то, что мы сейчас превратили в покосы, тогда это пахали. Там был ячмень, картофель, кукуруза, все» [ПИМА 2014].

Все земледельческие работы производятся вручную или с помощью животных (пахота на быках). Если в советское время фактически у каждой семьи было по упряжке рабочих быков, то сейчас это редкость, быков обычно несколько на все село, и соседи занимают животных друг у друга в период земледельческих работ. Косьба считается мужским занятием, сбор урожая выполняется мужчинами и женщинами совместно. Мотыжение пашни и прочая работа на огороде считается женским делом. Дети тоже задействуются в сельскохозяйственных работах — следят за скотом и собирают картофель.

Хозяйственная взаимопомощь между соседями, распространенная в советское время, сейчас не практикуется. В годы президентства М. Саакашвили была инициирована программа поддержки сел сельскохозяйственной техникой. Население получает ваучеры, которыми можно оплатить обработку участка трактором. Трактора принадлежат государственной службе, которая нанимает людей, работающих на этой технике и производящих ее техническое обслуживание. Самостоятельно домохозяйства технику не приобретают, мини-трактор, использование которого было бы оправдано в местных условиях, стоит 35 000 лари (более 800 000 руб.), эта цена для крестьян слишком высока. К тому же фактически единственная операция, которая доступна трактору на угодьях большинства общин, — это пахота, поэтому приобретению техники не придают решающего значения.

Среди реализованных в Сванети государственных программ, направленных на развитие сельского хозяйства, нужно отметить проведение бесплатной вакцинации и учета (мечения) скота.

Тип скотоводства, который практикуется в Верхней Сванети, в этнографической литературе определяется как «внутриальпийский» и «отгонно-стойловый». Основные земельные угодья здесь исторически были заняты альпийскими лугами и пастбищами, которые традиционно располагались на удалении в 3–5 км от поселений. В Верхней Сванети всегда уделялось особое внимание покосному хозяйству, поскольку в условиях долгой зимы оно обеспечивало корм для стойлового содержания скота. Это обстоятельство определило ведущую роль скотоводства в сельском хозяйстве региона [Шамиладзе 1979: 21, цит. по: Робакидзе 1990: 14–15].

Количество скота в домохозяйствах во многом зависит от особенностей расположения и наделенности селения землей. Жители малоземельных сел, расположенных в относительно узких ущельях, не могут обеспечить достаточное количество корма для большого числа животных. В таких селах семьи держат от двух до четырех коров, от двух до трех быков, несколько телок. Удои сванских коров достаточно низкие: около 6–8 л летом и 4 л зимой. Чем дальше коровам приходится ходить на пастбище, тем меньше молока они дают. Преимущество сванских коров, по словам местного населения, — небольшие потребности в корме и высокое качество молока. Стоимость взрослой коровы составляет 800–900 лари (18 000–21 000 руб.) и более.

Число животных и масштабы хозяйства в целом, как и его общая успешность, во многом определяется числом рабочих рук в семье, прежде всего мужских. На период сельскохозяйственных работ многим семьям приезжают помогать не живущие в Сванети родственники, с которыми семья потом делится продукцией.

По сравнению с такими высокогорными районами Грузии, как Пшав-Хевсурети, в Сванети легче запасти сено на зиму, многие покосы находятся в автомобильной доступности. Скот в длинную, почти семимесячную зиму держат в основном на корме, который заготавливают сами. Начинают кормить скот обычно

в октябре, весной выгоняют к Дню Святого Гиоргия. Сено измеряется в Сванети количеством «мархили» — специальных саней для его транспортировки. На одну корову на зиму нужно заготовить около трех мархили сена.

В этнографической литературе, как уже было сказано, тип скотоводства, характерный для Верхней Сванети, классифицируется как отгонно-стойловый, т.е. как в советское время, так и в XIX в. здесь практиковали зимнее стойловое содержание скота и летнее — на горных пастбищах. В советское время в «хозяйствах» (*meurneobebi*) в летний период скот содержали в горах, на яйлагах (*iailaghebi*), где располагались каменные или деревянные постройки «палатки» (*karvebi*), в которых жили пастухи и доярки. Как только таял снег и всходила трава, скот перегоняли на содержание в горы, где он находился до осенних холодов, всего около пяти месяцев в году. Дойный скот и молодняк содержались отдельно так же, как отдельно они содержались зимой в стойлах. Сыр производился прямо на месте. Для подкормки скота в зимний период делали силос, которым кормили только дойных коров. Члены хозяйств должны были выполнять план по сенозаготовке согласно величине выделенных им участков. Как правило, каждое село располагало в горах одним общим участком для выпаса коров, параллельно у каждой семьи были свои покосные участки. В советское время собирали гурт и назначали гуртовщиков, обычно двух человек, которым жители села платили согласно числу доверенного им скота. Гуртовщики должны были следить, чтобы скот не выпасался на частных покосах, ограничивать их выпас общим участком. Частные покосы семьи скашивали индивидуально в течение августа, до 1 сентября.

Практика выгона скота на горных пастбищах гуртом сохранялась и в 1990-е — первую половину 2000-х, когда семьи общими силами отправляли скот на яйлаги. При содержании в горах скот давал больший удой, это было выгодно. Сейчас практика летнего содержания скота в горах не только не является повсеместной, но и, по свидетельствам моих информантов, большая часть семей уже не отправляет дойный скот на яйлаги. Сейчас дойный скот оставляют дома, остальной — выгоняют. Быков и молодых жи-

вотных держат в горах приблизительно с середины июня до поздней осени. Село назначает дежурных гуртовщиков, двух-трех человек, которые дежурят в горах несколько ночей, оставаясь в т.н. «палатках». Обычно это молодые мужчины, которые воспринимают такое времяпрепровождение как приятное разнообразие в жизни.

Мной было зафиксировано два варианта летнего горного содержания всего стада (включая дойный скот). Первый — когда часть членов семьи (среди которых обязательно должен быть мужчина) поднимается со скотом на летнее время на свои горные выпасы и живет в «палатках». Эти каменные или бревенчатые небольшие домики сейчас часто хорошо оборудованы, здесь есть газ, электрический движок, иногда они даже приспособлены для жизни зимой. Летнее содержание скота в горах часто практикуют те семьи, для которых сельскохозяйственный доход имеет первичное значение. В то же время даже часть семей в Местии, члены которых заняты на хорошей работе, могут подниматься летом в свои «палатки», расположенные рядом с горнолыжным курортом «Хацвали». Т.е. сохранение практики отгонного скотоводства не всегда определяется ведущей ролью животноводства в хозяйстве семьи или ее зажиточностью. Часто верность отгонной составляющей животноводства связана с приверженностью к хозяйственной традиции и просто с любовью к жизни в горах, вдали от селений.

Второй вариант практикующегося сейчас горного содержания скота, который характерен для семей, у которых большое стадо, — это найм человека (его обычно не называют пастухом), который ухаживает за животными в горах. Взамен он забирает себе часть молока и произведенного сыра. Обычно на такую работу соглашаются совсем небогатые крестьяне.

Возможность оставлять скот летом в селении появилась в связи с массовыми миграциями конца 1980-х — 1990-х годов. Сейчас покосов, расположенных вокруг селения, часто достаточно, чтобы прокормить имеющийся скот. Многие сейчас вообще не гоняют скот в горы. Это перестает быть необходимым, так как уехавшие из Сванети семьи на разных условиях предлагают бывшим

односельчанам свои удобно расположенные рядом с селом покосы. К тому же люди стремятся к более легким, чем сельскохозяйственный, способам жизнеобеспечения, как говорят сами сваны, «сейчас все разленились, не хотят физически работать» [ПИМА 2014]. Поэтому увеличение удоя, которое дает летний отгон скота в горы, не так привлекательно, как предполагаемые возможности найти более легкий, несельскохозяйственный, заработок.

Вместе с этим в Верхней Сванети можно услышать рассуждения о необходимости восстановления проезда и подвода новых дорог к тем горным пастбищам, которые на данный момент недоступны и где в летний сезон могли бы успешно работать молочные фермы, в т.ч. государственные:

Думали сделать ферму в горах, поставить там палатки, государство. Чтобы была зарплата. Но время уже изменилось. Самое выгодное в Сванети будет сельское хозяйство. С мая до конца сентября можно держать скот в горах. За пять месяцев одна корова даст минимум 6–7 литров [в день]. Это выгодно будет обязательно. Пастбище бесплатное, за него ничего платить не надо. Единственное, за что надо платить, — это рабочие руки. Доярка. Чтобы женщины доили коров. Чтобы была хорошая палатка, хорошие условия. Нужен газ, чтобы делать сыр, хорошая сванская kveti [сырная закуска]... Это горы, и там вот такая [высокая] трава. Никто туда не может подниматься, нет samarkhile [дороги, пригодной для markhili, санных саней]. Можно сделать samarkhile, тракторами, чтобы государство сделало. У нас было samarkhile в горах, даже машина поднималась, но река унесла, обвал... А то мы сюда привозили 40 markhili, и они полностью были заполнены, когда были живы бабушка, дедушка и мама. Мы там косили, привозили на санях, я вела быков. Чтобы сделать дорогу, нужна очень хорошая техника, там скалы, [...], нужно делать туннель [ПИМА 2012].

Дороги к горным покосам и пастбищам, подвергнувшиеся разрушению уже после развала Советского Союза, в большинстве случаев не восстанавливались.

В селах, где пастбища обширны и расположены поблизости от селения, семейное стадо может достигать 20 и более голов, с общим суточным удоем до 100 л. Среди наиболее успешных в скотоводческом отношении общин называют Ушгули, Адиши, Пари. Определяющее значение здесь имеет величина и доступность (близость) покосов. В сильных животноводческих селениях распространена практика найма косарей из других селений, а также из Нижней Сванети. Косарям платят по 40 лари (920 руб.) в день и обеспечивают питание и проезд до своего села. Так, в одной из семей, с которой я беседовала, рассказывали, что заплатили косарям более 1500 лари (34 500 руб.) за сезон. У них в течение шести дней работало семь человек. Найм рабочей силы практикуют прежде всего семьи, где существует недостаток рабочих рук [ПМА 2014].

По Верхней Сванети в животноводческом отношении лидирует село Ушгули. Фактически вокруг селения, в пределах досягаемости по автомобильной дороге, расположены обширные высокогорные покосы и пастбища. Про жителей Ушгули рассказывают, что на деньги, вырученные от продажи сыра, они купили машины, про ушгульцев в Верхней Сванети говорят, что сулугуни для них — «белое золото». Домохозяйства Ушгули производят до двух и более тонн сыра в год. При стоимости килограмма сулугуни в 10 лари (230 руб.) выручка таких семей от продажи сыра может составлять до 20 000 лари (460 000 руб.). Обычно ушгульцы накапливают сулугуни (хранится в больших бочках) и к Новому году продают в Зугдиди по более выгодным ценам.

Сыр сбывают в основном через перекупщиков, большинство из которых зугдидцы, после реконструкции дороги сами сваны торговать в Зугдиди практически не ездят (до ремонта дороги перекупщики в Верхнюю Сванети не поднимались). Рассказывали, что перекупщики приезжают и из других регионов, в частности из Гори.

Молоко и мацони фактически не имеют товарного значения, хотя иногда их покупают местные жители в случае низкого удоя, для гостей или туристов, в том числе через сельские магазины,

которые принимают эти продукты. Молоко стоит достаточно дорого — 2 лари (46 руб.) за литр.

Вопрос строительства молокоперерабатывающего завода, который бы работал на Сванети, никогда не был предметом обсуждения, так как сбыт сыра не составляет проблем.

В селах Латали, Мулахи, Адиши, Ушгули, Кала держат баранов, их продают живыми внутри Верхней Сванети для жертвоприношений, а также держат для нужд семьи, однако баранина не ценится в Сванети по вкусовым качествам. В Пари, Кала, других селах держат коз. Держат в Сванети и лошадей, они используются в качестве транспортного средства, а также для участия в традиционных конных состязаниях. В последние годы в домохозяйствах становится больше лошадей, так как прогулки верхом стали популярной туристической услугой. Плата за аренду лошади в день составляет 50–80 лари (1150–1840 руб.), стоимость хорошей лошади составляет 1000 лари (23 000 руб.), средней 500–600 лари (11 500–14 000 руб.).

Немногие держат КРС на откорм: местные жители считают, что это неоправданно дорого. Корма, которые добавляют здесь к сену, — пшеница, кукуруза, ячмень, соя. В Сванети приезжают перекупщики мяса из Зугдиди и равнинных районов, но они предлагают низкие цены. Цены на говядину составляют в среднем около 10–12 лари (230–276 руб.) за килограмм, перекупкой живого мяса в Верхней Сванети, по словам информантов, занимается только один человек, который закупает животных по 3 лари за килограмм и отвозит на бойню в Зугдиди. Этот способ реализации мяса менее выгоден, так как в ходе транспортировки животное теряет в весе. Один из информантов, в прошлом занимавшийся совхозными заготовками, рассказывал о своем желании открыть в Верхней Сванети микро-бойню с холодильником, тогда мясо можно было бы продавать за пределами Сванети [ПМА 2014].

Почти все информанты отмечали сильное сокращение количества скота в Сванети по сравнению с 1990-ми годами. Это связано с появлением альтернативных стратегий жизнеобеспечения.

Пчеловодство развито здесь столь ограниченно по причине специфики природных условий. Период цветения и, следовательно,

но, рабочее для пчел время здесь коротки. Чтобы увеличить этот период, нужно ездить на машине вслед за цветением до Ушгули и обратно, а это очень трудозатратно. Поэтому мед в Верхней Сванети дорог — 20 (460 руб.) лари за литр.

Важно отметить, что из сельскохозяйственной продукции товарное значение имеет только картофель, совсем в небольшой степени — лобио. Домохозяйства чаще всего практикуют не продажу, а прямой, без посредников, бартер: картофель меняют на пшеничную муку, фрукты и т.д. Экономика многих домохозяйств в значительной мере безденежная: даже сельскому магазину зачастую можно отдать долг не деньгами, а, например, домашним сыром. Создание пунктов по приему излишков сельскохозяйственной продукции могло бы частично решить эту проблему, освободив население от необходимости бартера.

Складывается впечатление, что только некоторые общины Верхней Сванети, такие как Ушгули, имеют естественные условия для развития прибыльного сельского хозяйства, организации ферм. В большинстве же общин сельское хозяйство позволяет только поддерживать существование семьи, не давая экономического развития и достаточного дохода для обеспечения возросших требований к комфорту и общему стилю жизни. Малоземелье и чересполосица выступают в числе главных препятствий для развития крупного фермерства. Однако даже при наличии достаточных и удобно расположенных угодий выбор экономической стратегии семьи может осуществляться не в пользу сельского хозяйства.

Так, молодой мужчина из общины Мулахи, семья которого обладает обширными и пригодными для скотоводства землями, в поиске возможных индивидуальных стратегий жизнеобеспечения рассматривал создание фермы. Однако, по его словам, проведя все расчеты, он пришел к выводу, что прибыль, которую он мог бы получить, не стоит вложенных усилий [ПМА 2014].

Потребление энергии

Электроэнергия для физических лиц во всей Сванети абсолютно бесплатна, оплачивать ее государство обязывает только

юридических лиц, но и для них, по оценкам местных жителей, тариф за электроэнергию невысок. Однако электроэнергия не имеет в Сванети решающего значения в смысле получения тепла. В холодные зимы большие сванские дома невозможно отопить электрообогревателями. В подавляющем большинстве случаев постоянно отапливается одна общая комната в доме на первом этаже, для чего используются дровяные печи-«буржуйки». Отапливаются также спальни, но уже при помощи электрообогревателей, которые включают только перед сном. Такой обогрев не обеспечивает достаточного уровня тепла, поэтому часто дополнительно используются электропростыни, которые включают на несколько часов, также перед сном. «Буржуйки» используются и для приготовления пищи — преимущественно для выпекания хачапури и т.д., параллельно с электроплитами, на которых в основном жарят и варят. Для выпекания в большинстве домов используются мини-электропечи. На электричестве готовят в жаркие летние дни, когда невозможно пользоваться «буржуйкой». Электричество используется и для получения горячей воды — в домах установлены баки-водогреи. Газопровода в Сванети нет, газ покупают и заряжают в баллоны, к этому источнику энергии обращаются экстренно, в случае отключения электричества (что зимой периодически случается из-за перегрузки сетей, сильных снегопадов), а также чтобы быстро что-то приготовить (для этого на газовых баллонах укрепляются конфорки). Зимой к помощи газа почти не обращаются, обходятся дровяной печью.

Таким образом, главным средством обогрева дома является печь, которая зимой топится с утра до позднего вечера, а во многих семьях всю ночь. На всю зиму необходимо закупить дров приблизительно на 600 лари (почти 14 000 руб.). Обычно каждая семья рубит лес на принадлежащих ей исторически лесных угодьях. В большинстве общин вырубка леса происходит нелегально.

Местные жители относятся к энергии, производящейся в регионе, как к своей — по праву рождения в Сванети, поэтому, когда в Местии была сделана попытка поставить счетчики на воду, по словам моих собеседников, «люди взбунтовались, не дали» [ПИМА 2014]. Сейчас за подачу воды в Сванети нигде плата не взимается.

Попытка оштрафовать нескольких жителей из Чубери и Хаиши (Нижнебалльская Сванети), живущих преимущественно лесом, за незаконную его вырубку, вызвала возмущение, фактически «восстание», по выражению рассказчика. Протестовавшие местные жители разбили машины службы природоохраны и взяли их в окружение. В селение был направлен отряд спецназа, который смог только освободить и эвакуировать представителей службы, местные жители остались безнаказанными.

Туристическое развитие Сванети

Первая большая категория «летних» туристов в Верхней Сванети — это бэкпэкеры, цель которых — пройти определенный маршрут пешком (часто такие туристы нанимают машины, которые везут их вещи). В подавляющем большинстве это иностранцы. Вторая категория — приехавшие с организованными автобусными турами, которые покупают как иностранцы, так и грузины. Организованные экскурсионные туры чаще всего предполагают двухдневное пребывание в Сванети: первый день в Местии, второй — в Ушгули. Грузинские группы приезжают как из Тбилиси и других крупных городов, так и из сел, среди них много школьников: экскурсии часто организовываются как праздничные по случаю окончания школы.

Большая часть приезжающих в Сванети — иностранцы. Иностранные туристы, по оценкам местного населения, более активны: именно среди них популярны самостоятельно организованные длительные пешие переходы. Самая заметная и многочисленная категория туристов по «стране происхождения» — израильская. Многие израильтяне приезжают в Сванети большими группами, караванами на пронумерованных машинах — по наличию нумерации в караване машин их узнают местные жители. Местные жители выделяют также группу польских туристов, которые также достаточно многочисленны.

Грузинские туристы приезжают в Сванети преимущественно в летние месяцы, чтобы спастись в горах от жары на равнине. Грузины, по словам местных жителей, ведут себя иначе, чем иностранцы: «мало гуляют», а по вечерам ходят в бары.

Еще один популярный, прежде всего среди грузин, вид туризма — паломнический. Грузинские туристы могут приурочивать поездку в Сванети к местным религиозным праздникам. Так, на один из самых крупных в Сванети праздников — Квирикоба (сван. Лагурка), который проводится в селе Кала 28 июля в день мученичества Св. Ивлиты и Св. Квирикэ, съезжаются со всей Грузии. Такие праздники имеют не только паломнический, но и туристический интерес. В день Квирикоба производится жертвоприношение, идут соревнования по подъему наградного камня — яркое и интересное зрелище. По свидетельству информантов в близлежащих гестхаузах, «за три дня до Квирикоба все места в гестхаузах уже забронированы» [ПМА 2012]. Туристической популярностью пользуется также связанный с именем Св. Гиоргия и поминовением душ праздник Лампроба, во время которого проводятся зрелищные ночные шествия с факелами.

Зимний туризм, с целью развития которого в основном и были запущены инфраструктурные проекты начала 2010-х годов, пока получил в Сванети только ограниченное развитие. Строительство первого горнолыжного комплекса Хацвали, расположенного рядом с Местией у горы Зурулди, связано с сооружением в 2010 г. канатной дороги, соединяющей площадку Хацвали с Зурулди. Хацвали — небольшой комплекс: одна канатная дорога 2200 м и всего три трассы — сложная, средняя и для любителей (два бугеля по 700 и 400 м для начинающих). В сезон на курорте Хацвали достаточно активно катаются местные жители, также здесь проводятся спортивные чемпионаты. Предполагается, что после открытия нового горнолыжного комплекса Тетнулди за Хацвали останется функция более простой учебной трассы, также она будет оттягивать на себя некоторое число туристов за счет близкого расположения к Местии.

Гораздо более крупный комплекс Тетнулди строится дальше, приблизительно в 20 км от Местии. Здесь запланировано пять канатных дорог, трассы курорта должны стать как самыми длинными (9,5 км), так и имеющими самый большой вертикальный перепад (1,7 км) среди курортов Южного Кавказа. Сезон катания будет достигать здесь шести месяцев в году. По существующим

расчетам, на трассах Тетнулди одновременно смогут кататься больше 4000 чел., общая пропускная способность канатной дороги будет составлять почти 7 тыс. чел. в час.

В рамках проекта планируется связать новый курорт с помощью крытой канатной дороги с пятью селами общины Мулахи, что должно предоставить этим селам широкие перспективы развития в качестве туристических зон.

Предполагается, что Тетнулди будет активен как горный курорт круглогодично: он будет приспособлен для занятий альпинизмом, конным спортом, парапланеризмом, рафтингом, горным туризмом. Согласно договору с компанией, осуществляющей проект, 70 % занятых в строительстве должно будет составить местное население [В Местии...].

Ввод курорта в эксплуатацию был запланирован на 1 декабря 2015 г. По словам эксперта из туристического центра Местии Заура Чартолани, в Сванети, по сравнению с двумя другими горнолыжными курортами Грузии Бакуриани и Гудаури, более высокое качество снега. Здесь он лежит до 15 апреля и часто приходит уже в конце ноября (иногда, однако, снег выпадает только к Новому году). Однако Хацвали не пользуется большой популярностью у иностранных туристов и работает преимущественно на грузинский контингент. Основная же масса потенциальных грузинских туристов — жители Тбилиси, но и для них курорты Бакуриани и Гудаури благодаря относительной близости к столице более доступны, чем Сванети, в Гудаури из Тбилиси можно поехать кататься даже на один день.

В Сванети констатируют некоторый спад туристического потока. Его связывают с возможными опасениями иностранных туристов по поводу вероятного повторения украинских событий в Грузии, а также с сокращением числа стран, имеющих безвизовый режим с Грузией. Гестхаузы, ориентированные преимущественно на туристов из Израиля, связывают уменьшение туристического потока с конфликтом в Газе.

Там война, а у них же и мужчины, и женщины служат в армии. А сейчас уже и сезон для них закончился, октябрь уже.

Они начинают активно приезжать в мае-июне и в октябре уже уезжают. Потому что у них уже начинается работа, учеба. А у них почти все лето была война с Сектором Газа [ПМА 2014].

После парламентских выборов, прошедших в октябре 2012 г., в Сванети опасались, что туризм на государственном уровне перестанет развиваться, мои собеседники сетовали, что новый премьер министр Бидзина Иванишвили заявил, что туризм убыточен, и призвал сделать акцент на развитии в стране промышленности и сельского хозяйства.

По данным интервью с местным населением, после смены власти новых проектов развития туризма в Сванети принято не было. Приведу в качестве иллюстрации оценки внимания к Сванети со стороны государства горькую шутку одного из моих собеседников: «О нас по телевизору сейчас говорят только в связи с Худон-ГЭС, а так, даже в прогнозе погоды не упоминают... Раньше здесь каждый день был президент, в Местии, летал, был как сумасшедший, привозил президентов, президента Франции. А если мой президент куда-то поедет и положительно отзовется, я ведь тоже попытаюсь туда попасть» [ПМА 2014].

Предпринимательство в туризме: проблема недостатка ресурсов, знаний, опыта

Приход в Сванети туризма произвел эффект «золотой лихорадки»: почти каждая семья надеется решить свои материальные проблемы и встать на ноги при помощи дохода от туризма. В подавляющем большинстве случаев путь, который выбирают местные жители, — обустройство семейных гостиниц «гестхаузов», которые старается открыть каждая семья, если ее село представляет туристический интерес или через него проходит туристический маршрут. Большинство таких предпринимателей не очень хорошо знакомы с особенностями ведения гостиничного дела, мало кто имел ранее опыт соприкосновения с этой сферой обслуживания, немногие сваны среднего и старшего поколения после распада Советского Союза сами оказывались в роли туристов.

Обычно бухгалтерия в таких гостиницах не ведется, и часто владельцы гестхаузов имеют только приблизительное представление о своих расходах и прибыли. Так, одна хозяйка, открывшая вместе с мужем семейную гостиницу в Местии, собирается отказаться от предоставления туристам питания. Видимо, в районном центре, где возможности ведения сельского хозяйства минимальны (данная семья держит только одну корову), предоставлять туристам питание действительно менее рентабельно, чем в селах. Однако хозяйка жалуется на то, что работает себе в убыток, потому что просто не может посчитать и определить норму затрачиваемого. Приведу в качестве иллюстрации отрывок из интервью:

Соб.: Может быть, составить меню и подсчитать все?

И.: Ну, тут надо чтобы был кто-то, кто мне все это регулирует, сосчитает цены.

Соб.: Но это же Ваше решение, Вы устанавливаете свои цены и все.

И.: Понятно, что мы устанавливаем, но я все равно не могу высчитать эти 50 грамм, делаю на 20 больше, на 30. А это должна быть догма, должно быть заложено и в мозгу, и в меню, что это так. Не стоит моя жизнь этого. Я столько тружусь, и столько мучаюсь, и нет плодов труда, что я предпочитаю мой покой [ПМА 2014].

Попытки работать с проблемой недостатка знаний и опыта в сфере туризма у местного населения предприняли центральные и местные НГО, например «Женщина и бизнес», «Туристический центр», возглавляемый Зауром Чартолани. В Местии было проведено несколько образовательных программ, в рамках которых заинтересованные местные жители получили минимальные знания о правилах ведения семейного гостиничного бизнеса. Основными темами занятий были основы бухгалтерии и особенности налогообложения в туризме, базовые принципы ведения гостиничного дела.

Число сёл, где развиваются семейные гостиницы, невелико, но внутри этих попавших в туристические маршруты селений

конкуренция довольно высока. По словам одного из моих собеседников, чем позже семья открывает гестхауз, тем сложнее ей добиться успеха. Конкуренция высока настолько, что становится причиной конфликтов между односельчанами, о чем свидетельствует рассказ информантки о том, как в расположенном ниже по дороге селе перехватили группу туристов, которые были направлены в их семью знакомыми:

В прошлом году к нам шла группа, а их с дороги забрали. Сказали, что да, мы семья Малхаза. В Чвабиани сказали, что это Жабеши. В прошлом году у нас так отобрали 20–30 групп! А сказать им, будет конфликт [ПМА 2014].

Несколько удачных примеров частных инвестиций сделали идею о возможности такого пути развития семейных гостиниц в Сванети очень привлекательной. Один из таких примеров — «Гранд-отель Ушба», открывшийся в 2010 г. в общине Бечо. Начало предприятию было положено знакомством норвежца Ричарда Беруга с местной семьей Аргвлиани. Отель «Ушба» сейчас одна из самых известных, дорогих и демонстрирующих высокое качество сервиса семейных гостиниц в Верхней Сванети.

Другой пример. Некий поляк вложил деньги в строительство гестхауза и открыл в старом универмаге Местии кафе, которое курирует местный владелец этого гестхауза. Сторонние инвестиции часто оказываются для не имеющих капитала для развития местных жителей единственной надеждой, способом превратить свой дом в рентабельное предприятие. Пример неудавшейся истории такого сотрудничества привел один из информантов, рассказавший о предложении польского туриста вложить деньги в реконструкцию его дома:

А он что хотел сделать. Говорит, у меня в Польше два дома, один я продам, приеду в Сванети, хочу тут развернуть какой-то бизнес, ну, вместе. Но в этом году, когда на Украине началась война, они уже испугались, что в Грузии может повториться что-то похожее, они из-за этого воздержались.

А мы хотели вместе отремонтировать дом, который у меня в Местии, он был бы в определенной доле. Говорит, это мое заветное желание. Молодой человек [ПМА 2014].

Очевидно, что мораторий на продажу земли иностранным гражданам, принятый в Грузии в июле 2013 г. и действовавший до 31 декабря 2014 г., прямым образом затрагивал интересы жителей Сванети. Позже мораторий был признан неконституционным и досрочно снят.

Развитие туризма как фактор трансформаций в местных сообществах

Чтобы начать разговор о хозяйственных и социальных изменениях в местном сообществе в контексте развития туризма, приведу эмоциональную заметку молодой женщины-активиста (русская, родом из Новосибирска, 31 год), успешно владеющей вместе с семьей мужа семейной гостиницей.

Наш прекрасный край — это не только высокие горы, покрытые ледниками, это люди, это история, это традиции и, что самое интересное, о чем вообще еще не говорилось, это смешение новой культуры, хлынувшей в Сванетию бурным потоком Ингури, и традиционного уклада. Именно это сейчас и является самым важным культурным и туристическим событием в Сванетии. Регион, абсолютно закрытый от внешнего мира, вдруг оказался открытым всему. Люди, жившие здесь тысячелетиями по своим законам, сталкиваются с множеством разных традиций, привезенных из других стран и современной городской культуры — часто бездушной, наглой, грубой и бесчеловечной. Пока количество туристов было значительно меньше местного населения, этот баланс удавалось сохранять, но когда это количество перевалило за 20 тыс. в год и стало увеличиваться с каждым годом, вот тут и стали проявляться проблемы, о которых и подумать было сложно еще несколько лет назад. Вот одна из историй: туристы из Израиля, обедающие в кафе в Ушгули, заказали вино. Вино, ко-

торое принесла хозяйка кафе, им не понравилось, и они вылили его ей в лицо на глазах изумленных посетителей. Что бы было за это раньше — смерть! Сейчас история закончилась просто скандалом. Есть еще целый вагон историй, о которых мне совершенно не хочется говорить [Svaneti].

Мы не утверждаем, что эти рассуждения полностью совпадают с дискурсом на уровне местного сообщества Верхней Сванети, однако в целом они отражают фиксирующиеся здесь настроения.

Туризм и сельское хозяйство

Обычно сельскохозяйственное производство в семье мыслится как необходимое условие функционирования семейной гостиницы. Здесь хорошо понимают связанную с «экопитанием» специфику агротуризма (без упоминания термина). Местные жители осознают интерес туристов к производству, приемам сельского хозяйства, способам приготовления пищи. Приведу рассуждения одного из информантов:

Туристы хотят натуральную пищу. Одно без другого не получится. Они ведь хотят с питанием. А приносить это с рынка... Тут и рынка нет. Да было несколько девушек, которые сами попросились с ней [с женой рассказчика] в хлев, доили коров. Им было интересно. Не получится сократить хозяйство. Ну, если будет большой поток [туристов], может быть, немного сокращу [ПМА 2014].

В Сванети высоко оценивают качество местной сельскохозяйственной продукции, постоянно подчеркивается, что она чище и качественнее, чем на равнине, что связывают с отсутствием практики использования химических удобрений. В то же время сохранение сельского хозяйства воспринимается как единственно возможная стратегия в финансовом смысле:

Потому что если покупать сыр по 10 лари (230 руб.), тебе уже ничего не остается. У нас ведь не пекут такие хачапури,

как в городе на улице, что у них цвета нет. Мясо надо покупать. 10 лари стоит килограмм [ПМА 2014].

Некоторые семьи предполагают, что будут сохранять и, возможно, преумножать скот, даже если доход от туризма увеличится, пусть для этого им придется покупать сено. Возможно, это действительно более выгодно, чем для обеспечения нужд гостиницы покупать сыр и мясо, но, видимо, в значительной мере это также следствие восприятия сельского хозяйства как необходимой основы жизни в местных условиях.

Помимо этого развитие в крае туризма видится как важное условие нормального функционирования сельского хозяйства. В частности, только с приходом туристов считают возможным создание местного рынка. Развитие туризма отчасти решило вопрос сбыта сельскохозяйственной продукции, в частности мяса, которое раньше пытались вывозить за пределы Сванети, что при отсутствии бойни и возможности заморозки было сопряжено со сложностями и потерей в дороге живого веса.

Информант рассказывает:

Я помню, лет пять назад возили [продавать] туда [на равнину] быков. Если здесь было не продать, везли в Зугдиди или в Тбилиси, в большие города. Сейчас уже нет этой проблемы в последнее время. Потому что люди [туристы] приезжали. Одному гестхаузу, который нормально работает, в сезон нужен, по крайней мере, один бык, два, три. Также и в Местхи. И они продаются на месте. Если туризм остановится, то и крестьянину придется трудно, и богатому. Если у богатого еще будет [доход], то крестьянину будет тяжело, он не сможет продать свою продукцию [ПМА 2014].

Вместе с тем для селений общины Ушгули, которая славится по всей Сванети своими успехами в производстве и продаже сулугуни, для последних лет можно констатировать снижение масштабов производства сыра, что сами местные жители связывают с появлением альтернативного сельскохозяйственному доходу.

Многие сокращают животноводство до объема, достаточного для обеспечения нужд семьи и семейной гостиницы, переставая производить сыр на продажу. Практики закупки сельскохозяйственной продукции все-таки пока нет. Стремление сократить трудоемкое сельскохозяйственное производство понятно, когда появляется альтернатива более легкого заработка.

При сопоставлении числа скота в домохозяйствах в 1990 — начале 2000-х годов и сегодня местные жители констатируют значительное уменьшение его количества. Так, раньше стадо одной семьи могло достигать 40–50 голов. В качестве иллюстрации приведу цитату из интервью с молодым мужчиной:

Был период, когда я был в школе, мы почти каждый год закалывали быка для семьи на зиму, в качестве жертвы также, и всегда делали застолье. Когда закалывали быка, то устраивали застолье на 50–60 человек, если не больше [ПМА 2014].

Молодые люди говорили, что хотели бы в зимнее время жить в Тбилиси, приезжая в Сванети в теплый сезон. Для этого, по их оценке, нужно обеспечить хорошую работу семейной гостиницы и иметь от трех до пяти коров.

Интересно, что житель Местии, недавно открывший гестхауз, жалуется на проблему нехватки продуктов. В туристический сезон оказалось сложно достать сыр. В будущем он собирается договориться с кем-то, у кого высокие удои, об эксклюзивной продаже.

Если сыр в селах от хозяина стоит 10 лари (230 руб.), то в магазинах Местии уже 12 лари (276 руб.). В Сванети предрекают рост цен на местную сельскохозяйственную продукцию, так как «экопродукты везде стоят дорого» [ПМА 2014].

Любопытно признание информанта из Местии, держащего семейную гостиницу и имеющего другой мелкий бизнес:

У меня достаточно денег, чтобы не сажать картошку, но перед людьми стыдно, скажут — «разленился» [ПМА 2014].

Видимо, полностью отказаться от сельского хозяйства даже в районном центре, где им занимаются минимально, не позволяет инерция, а также, возможно, расчет на «черный день».

Трансформация физической и социальной среды и тревоги местного сообщества

В Верхней Сванети много говорят о не свойственных для региона новшествах, появившихся здесь в последние годы бурных трансформаций. Так, дискуссии и даже выраженные протесты вызвала реконструкция центральной площади Местии, призванной стать туристическим сердцем Верхней Сванети. Архитектура площади, имеющей для жителей сакральное значение, была полностью изменена. Мои собеседники, комментировавшие распространившееся было по аналогии с недавно реконструированной батумской площадью «Пьяцей» (совершенно, по их мнению, неуместное для Сванети название), иронизировали: «Называлась [площадь] раньше Площадь Местии, теперь стала Пьяца».

Приведу фрагмент из моей беседы с двумя информантами, в которой звучат основные претензии к реконструкции площади:

Р. 1.: Потому что старая площадь была такая красивая. Ничего лучше не представить, чем смотреть оттуда на Бангуриани и Тетнулди. В лунную ночь ты сталкивался с величайшей красотой. Второе — то, что это было свободное место, а центр у каждого региона должен быть свободный. А третье, и самое главное и существенное, — это то, что на праздник Святого Гиоргия, а именно на Хлишоба⁵, когда заканчивалась джигитовка [jiriti] на лошадях, они скакали по кругу этого центра [то есть объезжали площадь], и оттуда

⁵ Хлишоба — один из самых крупных праздников, имеющий объединяющее значение для общин Верхней Сванети. Он связан с фигурами Св. Элии (Св. Ильи) и Св. Гиоргия, отмечается в воскресенье за неделю до начала Петропавловского поста и имеет значение предречения мирного и урожайного года для всей Верхней Сванети. Центральное место в сценарии праздника занимает вынос из церкви Св. Гиоргия в Местии хранящегося там священного зооморфного знамени «лем» и последующие скачки.

был проезд к церкви Святого Гиоргия, лошади забегали, в знак уважения, в церковь Святого Гиоргия. А теперь это фактически исчезло. Теперь это сделать невозможно.

Р. 2.: Ну, придумают что-нибудь.

Р. 1.: Придумают так, что теперь для этого нужно, чтобы человек всю шею переломал, чтобы как-то попасть в этот тупик [ПМА 2012].

Можно услышать голоса, высказывающиеся против «американской» и «слишком цивилизованной» жизни, прихода которой ожидают в связи с развитием туризма. Например, некоторые информанты недовольны появлением в Местии кафе и баров, а также слишком «открыто» одетых туристов, т.к., по их мнению, это будет способствовать росту «распущенности» молодежи и несовместимо с культурой Сванети в принципе.

Другой информант, не видящий никакой угрозы для нравов с приходом туризма, тем не менее отмечал, что «геев здесь никто терпеть не будет» [ПМА 2014].

Местные жители сетуют на то, что с развитием туризма люди в Сванети стали более эгоистичны, меньше склонны к взаимопомощи и поддержке друг друга. Так, мой собеседник рассказывает:

Мы как раз сегодня вспоминали, раньше, если кто-то закалывал быка, шли по родственникам, близким, раздавали по килограмму, по несколько. А сейчас кто побежит раздавать? Потому что мясо тогда не продавалось, а теперь продается [ПМА 2014].

В интервью также звучали сетования, что местные жители, надеясь на доход от туризма, забрасывают традиционные хозяйственные практики, а также опасения, что земли в Сванети «скупят американцы», т.к. люди хотят быстрых денег и могут начать продавать, а потом эти земли будет уже не вернуть.

Резюмирует такие рассуждения, как правило, выражение общей тревоги, что «в результате всех этих преобразований Сванети как таковая может вообще исчезнуть» [ПМА 2014].

Большинство жителей региона негативно относятся к строительству крупных гостиничных комплексов, считая, что туризм в Сванети должен развиваться в форме семейных гостиниц. Здесь играет свою роль и опасение конкуренции, которую могут составить семейным гостиницам крупные отели. Есть и страхи, что с развитием гостиничных комплексов появится еще больше нехарактерных для культуры Сванети развлекательных заведений.

Другая причина — связанная с массовым туризмом угроза экологическому равновесию, которую сваны хорошо осознают. Так, моя собеседница, молодая женщина 27 лет, уже 8 лет работающая в Тбилиси, говорила о том, что ей не нравится чрезмерный, по ее мнению, поток туристов, направляющийся в Сванети, т.к. туризм наносит вред окружающей среде. Она согласна, что туризм в Сванети должен развиваться, но «не в таких масштабах, в определенных рамках». По ее ощущениям, туристов очень много — помимо зарубежных, летом «пол-Грузии приезжает в Сванети» [ПМА 2013].

Пока о негативных экологических последствиях туризма для Сванети говорить рано. Туристический поток еще не настолько велик, да и задействовано в нем лишь ограниченное число общин, попавших в туристические маршруты (преимущественно Ушгули, Мулахи, Местиа, Латали, Бечо, Ленджери). Фактически Ушгули пока остается единственным селом, где чувствуется присутствие туристов.

Экологические опасения, связанные с увеличением туристических потоков, соединяются с протестами против строительства Худон-ГЭС, новой гигантской гидроэлектростанции. Широкая волна протестного движения затронула не только Сванети, но и другие регионы Грузии. Одним из действий противостояния, предпринятых организаторами, была организация массовой клятвы на иконе: обещания, что клянущиеся сделают все, что в их силах, чтобы не допустить строительства.

Среди причин, по которыми строительство новой гидроэлектростанции в Сванети считают недопустимым, — затопление нескольких сел (в т.ч. кладбищ и церкви), таяние ледника, наводнения, увеличение количества осадков и общей влажности.

Вот как об этом рассказывает участник движения сопротивления:

У нас в Сванети есть клятва на иконе. Когда мы клянемся на иконе, это значит, что дороги назад не существует, ты должен идти в том направлении, в каком поклялся на иконе. Если ты не смог и отступал, то чем изменить иконе, лучше чтоб тебя убили. Потому что это наше... Существует Бог, существуют святые... И когда ты клянешься... то в случае нарушения клятвы ты оскверняешь икону [ПМА 2014].

По мнению местных жителей, строительство Худон-ГЭС скажется и на успехе туризма в Сванети. Туристы приезжают сюда и ради климата, «если станет известно, что климат уже не так хорош для астматиков», станут приезжать меньше [ПМА 2014].

Туризм и гостеприимство

Отсутствие традиции туризма в частном секторе приводит к характерным культурным казусам. Так, руководитель местной НКО Заур Чартолани рассказывает, что на тренинге по ведению семейных гостиниц, который его организация проводила для местного населения, многие слушатели, узнав, что их деятельность будет относиться к сфере обслуживания, уходили с курса, предпочитая продолжать заниматься землей — более достойным, по их мнению, делом. Характерно высказывание одной из моих собеседниц:

Да, сначала надо исправить свой характер, свой менталитет. Ты их обслуживающий персонал, простите, чья-то уборщица и чья-то чистильщица туалетов [ПМА 2014].

Туризм прокладывает себе дорогу в условиях специфических для Кавказа представлений о гостеприимстве, сваны часто испытывают затруднения с разграничением моделей отношений с гостем и туристом. Это может выражаться, например, в том, что

туристу предлагается слишком обильное, как это предписывается для гостей, угощение, или наоборот — недостаточное. Заур Чартолани рассказывал о случаях, когда люди «насильно тащат туриста на застолье, считая, что оказывают ему, таким образом, подобающее и необходимое уважение». Он приводил в пример ситуацию, когда принимающая семья повезла своих иностранных гостей на застолье, даже не объяснив им, зачем и куда они направляются, что напугало иностранцев [ПМА 2012].

В свою очередь, туристы также демонстрируют поведение или взгляды, которые оказываются непонятны, неприятны или даже неприемлемы для местных жителей. Сваны с удивлением знакомятся с искаженным образом самих себя, который им преподносят приезжие:

Туристы приезжают с путеводителями и вычитают там неверные представления о Грузии и Сванети, об отношениях в семье, например. Всякие ужасы, которых здесь давно нет [ПМА 2012].

Специфика семейной гостиницы подразумевает погружение туристов в повседневную, частную жизнь принимающей семьи, в процессе чего периодически обнаруживается несовпадение границ приватности, естественных для обеих сторон. Так, появление мужчин дома в нижнем белье, которое может казаться для части туристов нормальным, совершенно неприемлемо для сванов [ПМА 2014].

Как уже было сказано выше, во взаимодействии с туристами принимающие их семьи балансируют между деловыми и личными отношениями, что понятно в камерных условиях семейной гостиницы. Однако нередко следствием этой двоякости становится непонимание и обида, что хорошо иллюстрирует следующий пример:

Как раз вчера мне рассказывала моя родственница, она замужем в Адishi. У нее гестхауз, были немцы. У иностранцев там, когда они пьют местную воду, случается диарея, у них

она не усваивается. У нас же горная вода, нефильТРованная. Это же не значит, что им из-за еды стало плохо. И вот она говорит: я стараюсь, я всегда столько всего готовлю, столько всего разного, а они ни к чему не прикасаются, ну, они физически не могут есть. Но если ты не можешь есть, надо же сказать: ты не готовь, мы не потому не едим, что не хотим, а потому что не можем. А я все это сделала, говорит, и почувствовала себя какой-то оскорбленной. Тот человек сказал, что это наша вина, надо было сказать, что мы не можем есть. А она говорит, а я наоборот им деньги возвращаю, не смогла взять деньги за то, что они не съели. Вот так, когда у человека есть совесть [ПМА 2014].

Пределы допустимого можно было бы определить, регламентировав отношения сторон в быту, например при помощи размещения объявлений, однако эта практика до сих пор не получила распространения.

Со мной говорили о пагубном влиянии, которое туризм в перспективе будет иметь и уже имеет на институт гостеприимства. Молодой человек, который занимается автоперевозкой туристов, рассказал, что начинает воспринимать каждого встреченного на дороге иностранца как источник дохода, что это меняет его как личность и что он не хочет таких изменений [ПМА 2014].

Между тем чувство, обязывающее в силу долга принять гостя в любое время, создает препятствия для функционирования семейных гостиниц. Тот же молодой человек рассказывает:

Есть такая туристическая компания [называет одну из крупных грузинских туристических компаний], у меня был с ней заключен договор, и когда они уже сделали бронь и ехали сюда, у меня уже была бронь на 17 человек, поэтому я просто не мог их принять, и я передал их другому... Второй раз они тоже приезжали, а у меня тогда были гости, было много гостей, и после этого они [туристическая компания] сделали себе [базу] там [в другой семейной гостинице], с тех пор приезжают и приезжают туда» [ПМА 2014].

Очень часто владельцы семейных гостиниц говорили, что не смогли принять туристов из-за того, что в тот момент у них было много своих гостей.

Почти в каждой семье, держащей гестхауз, рассказывали историю о том, как им случалось принимать туристов и не брать с них денег. Вот одна из таких историй:

Я ехал на машине домой и встретил поляков. Муж с женой и двое детей. Ой, такие дети были... И там, <...> где сейчас дрова лежат, они там хотели поставить палатку. Воды нет, огня нет. Посадил детей в машину, говорю, поехали за мной. Когда приехали, они открыли машину — у них был Форд из Тбилиси, они взяли его в автотуре, из проката — открыли двери, смотрю, в машине спит третий ребенок, ангел, со светлыми волосами, локонами. Ну какие-то такие, очень такие были дети... Ну, они никак не захотели остаться в доме. Сказали, мы предпочитаем в палатке, короче, мы для этого и приехали, чтобы ездить с палаткой, они сами так хотели. Ну, я их накормил, напоил, приласкал, какие я мог взять деньги, обычное дело, пришли гости. Уехали, потом меня добавил в фэйсбуке этот парень [ПМА 2014].

Смысл таких рассказов кажется очевидным. Традиция того, что называют на Кавказе обычаем гостеприимства, особенно акцентирует внимание на важности предоставления крова, пищи и оказания помощи незнакомцу, чужестранцу. Люди, для которых «обычай гостеприимства» является предметом гордости, одной из основных постулируемых ценностей, а также важной составляющей идентичности, стараются подчеркнуть, что монетарный характер отношений, возникающих между хозяином и туристом, не является обязательным, что они свободны в любой момент сделать переключение с режима делового на режим «человеческого» взаимодействия и что такие исключения как раз и видятся им нормой отношений.

Действие глобальных акторов

Показательны примеры включения местного сообщества в глобальную туристическую экономику. Так, недовольные итогами работы представителя от Лоунли Плэнет (крупнейшего в мире издателя путеводителей), который очень поверхностно «пробежался» по региону и совершенно не осветил Нижнюю Сванети («Получилось, что Сванети начинается Местией и кончается Ушгули» [ПМА 2012]), местные жители послали в редакцию путеводителя протест, надеясь, что в новом выпуске их претензии будут приняты к сведению.

В Верхнюю Сванети приходят интернациональные игроки, чья деятельность здесь в основном сводится к предпринимательским инициативам и некоммерческим программам, направленным на развитие региона и сохранение его природных и культурных ценностей. Небольшая гостиница «Ушба» в селении Мазери находится в сванско-норвежском совладении, европейцам и американцам принадлежит несколько жилых домов в разных селениях, в селении Чолаши базируется швейцарская некоммерческая организация «Про Местиа», которая осуществляет проекты, нацеленные на социально-экономическое развитие региона. Туристический Центр Заура Чартолани финансируется международным Фондом Фридриха Эберта. Центр промаркировал несколько туристических треккинг-маршрутов, бесплатно подготовил несколько выпусков гидов из местного населения, провел образовательные курсы по ведению семейного гостиничного бизнеса. По словам Веры Кобалии, экс-министра экономики Грузии, «Сванети стала одним из самых популярных мест для инвестиций в туристический сектор Грузии, <...> вызывая интерес международных сетей, включая Radisson Hotels» [Потенциал].

М. Саакашвили выступил с инициативой о предоставлении заинтересованным бизнесменам земли под новые гостиницы по цене 1 лари (\$ 0,5) за 1 м² (в «Стране тысячи башен»). Однако в Сванети вопрос передачи земель инвесторам — довольно чувствительная тема, так как «ничьей» земли здесь нет: все угодья или принадлежат семьям, или находятся в совместном владении

и пользовании общин, пусть собственность и не закреплена юридически. Новое строительство стало причиной ряда земельных конфликтов, часть которых не разрешена до сих пор.

Таким образом, Верхняя Сванети, лишившись возможностей, предоставлявшихся границей, сегодня идет к новому уровню взаимоотношений, переходя от локальных взаимодействий к глобальным. По сравнению с городскими центрами сельская глобализация изучается мало. Смешение культур, динамизм экономики, политические и идеологические трансформации в городской среде заметны лучше всего. Сванети — интересный полигон для подобных исследований, как в области экономической глобализации, к изучению которой наиболее часто обращаются исследователи применительно к сельским регионам, так и в области культурной — представляющей естественный интерес для этнографа.

Уже сейчас в регионе можно выделить признаки глобальных процессов: появление международных коммерческих сетей, увеличение туристических потоков, коммодификация природных ресурсов, привлечение иностранных вложений, как в предпринимательство, так и в недвижимость, конфликты за право на пространство и, наконец, интенсивное межкультурное взаимодействие.

Библиография

Зеленков М.Ю. Межнациональные конфликты: проблемы и пути их решения (правовой аспект) Воронеж, 2006.

Потенциал оптом и в розницу http://btime.ge/page.html?id_node=358&id_file=3968. Дата обращения 25.11.2014.

Капустина Е.Л. Трудовая миграция: экономическая стратегия и элемент социальной жизни (опыт современного горного Дагестана) // Этнографическое обозрение. 2010. № 1. С. 24–32.

Робакидзе А. Основные черты хозяйственного быта в Сванети. Тбилиси, 1990.

Шамиладзе В.М. Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства в Грузии. Тбилиси, 1979.

В Местии строятся горнолыжные трассы Тетнулди [mestiashi tetnuldis satkhillamuro trasebi shendeba] <http://newposts.ge>. Дата обращения 04.12.2014.

Гамгеоба муниципалитета Местии http://www.mestia.ge/index.php?location=tree_elements&id=382&slave=376&lang. Дата обращения 25.11.2014.

Картофель — гордость Сванетии [katrofilu — svanetis siamake] <http://www.kvirispalitra.ge/mamul-deduli/23194-kartofili-svanethis-siamaye.html>. Дата обращения 30.11.2014.

Problems related to the protection of property rights — The case of Mestia. 2011 http://transparency.ge/sites/default/files/post_attachments/Report_Mestia_ENG_July_2011.pdf. Дата обращения 25.11.2014.

Hall C.M. Tourism: Rethinking the Social Science of Mobility, Prentice-Hall. Harlow, 2005.

Sofield T.H.B. Border Tourism and Border Communities: An Overview // Tourism Geographies: An International Journal of Tourism Space, Place and Environment. 2006. Vol. 8. # 2. P. 102–121.

Svaneti <http://svaneti.livejournal.com/193131.html>. Дата обращения 16.12.2014.

Strategic Options towards Sustainable Development in Mountainous Regions. A Case Study on Zemo Svaneti, Georgia. Mestia / Berlin, 2006. <http://edoc.hu-berlin.de/series/sle/224/PDF/224.pdf>. Дата обращения 16.12.2014.

Trier T., Turashvili M. Resettlement of Ecologically Displaced Persons: Solution of a Problem or Creation of a New? // Eco-Migration in Georgia 1981–2006. 2007. # 6.